

УДК140.8+172.3+32.019.51

НАСИЛИЕ ЯЗЫКА КАК ЭЛЕМЕНТ ИДЕОЛОГИИ В КОНЦЕПЦИИ С. ЖИЖЕКА

канд. филос. наук, доц. О.В. МАШИТЬКО

(Белорусский государственный университет культуры и искусств, Минск)

Поднимается вопрос о языковых аспектах идеологической детерминированности культуры в обществе, провозгласившем свою «постидеологичность», на примере философской концепции С. Жижека. Насилие языка рассматривается в качестве неотъемлемого элемента идеологии постидеологического общества, реализуясь через концепцию системного насилия, предполагающего лингвистическое формирование понятия «нормального». Через язык идеология наделяется превентивной действенностью, предопределяя возможные интерпретации социального, а существующие идеологические альтернативы становятся мнимыми, представляя собой части системы. Это предполагает изменение ее важнейшего структурного элемента идеологии – дихотомии «свои – чужие», либеральной альтернативой которого становится принцип толерантности, который, в свою очередь, становится современным неявным тоталитаризмом, будучи навязываемым в качестве общеобязательного.

Ключевые слова: язык, идеология, неявная идеология, постидеологическое общество, лингвистическое насилие, системное насилие.

Введение. Языковой аспект воздействия на сознание является предметом пристального исследовательского интереса как на протяжении XX века, так и в начале XXI. Причем если первоначально в рамках «лингвистического поворота» применительно к роли языка в мировосприятии человека употребляются выражения «человек “пребывает” в языке», «дом языка» (М. Хайдеггер), то позднее интонации меняются. Ж. Лакан говорит, что язык «не столько дом, сколько пыточная камера». Ф. Джеймисон употребляет выражение «тюрьма языка». Особенно актуальной проблема принудительного характера лингвистического воздействия на сознание становится в так называемую «постидеологическую» эпоху, в которую имплицитный характер функционирования идеологии делает роль языка приоритетной. Цель данной статьи – выявление лингвистических аспектов воздействия идеологии на примере концепции постидеологического общества С. Жижека.

Основная часть. Прежде всего, язык рассматривается С. Жижеком в качестве одной из составляющих системного насилия. Он различает, во-первых, «субъективное» насилие, которое можно обозначить как явное, совершаемое четко опознаваемым субъектом; во-вторых, символическое насилие, воплощенное в языке и культурных формах; третьим видом является «системное», или объективное, или неявное, насилие, не опознаваемое в силу того, что оно присуще социальному порядку, воспринимаемому в качестве нормы, и поэтому его нельзя приписать конкретным субъектам – оно анонимно [1]. Все в совокупности позволяет характеризовать системное насилие как неявное и в то же время тотальное. Идеология постидеологического общества обладает всеми признаками неявного насилия. Она объективна в том смысле, что ее нельзя приписать конкретному учению, философской концепции, системе идей, программе религиозного или политического лидера. Она системна, поскольку воспринимается не как идеология, а как система очевидностей, «само собой разумеющееся» положение вещей. И, наконец, она анонимна – ее нельзя приписать конкретным субъектам. Когда мы видим в чем-то акт насилия, мы оцениваем его при помощи предполагаемого стандарта того, чем является «нормальная», ненасильственная ситуация. Но наивысшей формой насилия в интерпретации С. Жижека является насаждение этого стандарта. Подобно этому в «постидеологическом» обществе навязывается «внеидеологический» социальный стандарт, а все, что выходит за его рамки, оценивается как фанатизм.

Именно поэтому С. Жижек утверждает, что современное общество, декларирующее отсутствие идеологии, более идеологично, чем когда-либо. Идеологическое воздействие в нем гораздо более эффективно, поскольку декларируемое отсутствие идеологии является всего лишь невозможностью отделить реальность от ее искажения, идеологической составляющей (что гораздо проще, если идеология представляет собой систему идей, принципов, ценностей, философских утверждений). Именно такое отделение предполагалось классической марксистской концепцией идеологии, постулирующей наличие дихотомии «ложного сознания», с одной стороны, и «истинной реальности», с другой. Устранение дихотомии возможно в процессе деидеологизации. В одном из своих интервью С. Жижек дает следующее определение идеологии: «Для меня идеология – не просто система идей. Идеология для меня, на самом элементарном уровне, – это что-то интимное, спонтанное, она – в том, как вы ощущаете окружающий вас мир, как вы организуете свою жизнь, в чем вы видите ее смысл. Поэтому я считаю, что сегодня мир идеологизирован более, чем когда-либо раньше. Для меня идеология – это вовсе не Большая Система типа коммунизма, капитализма и так далее, идеология

проявляется в самых интимных отношениях. Идеология – в том, почему вы что-то принимаете, а что-то нет, в манере вашей речи, в том, как вы готовите ужин, как вы развлекаетесь. <...> Другое определение идеологии – <...> система, которая легитимизирует существующие отношения господства» [2]. Последнее определение не противоречит первому, поскольку единственно легитимной позицией как в политике, так и на уровне массового обыденного сознания, сегодня является ценностный и идейный плюрализм, предполагающий абсолютную толерантность и уравнивание различных идеологических позиций. Такая «терцимая» позиция, собственно, и оценивается в качестве «постидеологического» состояния современного общества.

Язык – неотъемлемый элемент системного насилия «постидеологической» идеологии. В плоскости лингвистического анализа неясность современной идеологии означает, что идеологический метаязык вписан в язык-объект, является его неотделимой частью. Лингвистическое насилие связано с репрезентацией в языке, установлением определенного символического поля. Это противоположно представлению о языке и символическом порядке как среде примирения и опосредования, когда вхождение в язык и отказ от насилия воспринимается как два аспекта одного процесса. В рамках философии языка сама символизация вещи предполагает нечто насильственное – упрощение вещи, помещение ее в заданную область значения. Символизация вещи, во-первых, упрощает определяемую вещь, сводя ее к одной черте, во-вторых, расчленяет вещь, разрушая ее органическое единство, и, в-третьих, помещает вещь в область значения, которая является внешней по отношению к ней. Поэтому С. Жижек считает вербальное насилие не вторичным искажением, а основным средством всякого человеческого насилия: «Сама реальность редко бывает невыносимой, такой ее делает язык» [1, с. 49–50]. Изменение в восприятии подкрепляется языком, оно вызывается сдвигом в символическом универсуме: «В этом качестве языка содержится фундаментальное насилие: наш мир частично искажается, утрачивает свою равновесную невинность, один оттенок задает тон Целому» [1, с. 31]. Э. Лакло и Ш. Муфф называют это гегемонией, М. Хайдеггер – онтологическим насилием. С. Жижек в этой связи говорит о перформативной действительности языка идеологии. Идеология – это не интерпретация того, каковы вещи на самом деле, но интерпретация, которая определяет само бытие и социальное существование интерпретируемых субъектов. Это связано с самим существованием субъектов в социально-символическом мире. Насилие понимается в этой связи как часть производства значения. Согласно лингвистике, значение рождается посредством отношений: любой объект приобретает значение благодаря оппозиции. Парадокс в том, что второй член оппозиции одновременно должен быть и не быть. Например, утверждение культурной ценности времени осуществляется через противопоставления его вечности и подавления ее культурной ценности. Репрессивность оказывается необходимым условием рождения смысла. Это значит, что производство значений рождает «следы» иных кодов, дискурсов, текстов. Инородные «следы» производятся самой структурой.

Сама идеология описывается С. Жижеком на языке лакановской философии как «некое диалектическое новообразование на теле языка, его симптом» [3, с. 27–28]. Идеологический «симптом» определяется негативно, для его выявления используется понятие ретроактивности. «Отрицательное» определение идеологии отчетливо иллюстрируется следующим определением: «Идеология – это вообще пустое слово, то, как она функционирует, подразумевает, что вы никогда не даете точного определения используемым терминам. Люди, которые говорят – нет, это какая-то неправильная идеология, ошибаются. Да, неправильная, но именно поэтому она и работает. Как только вы докручиваете ее до каких-то точных определений, она работать перестает» [2]. Идеология определяется С. Жижеком как мистификация действительности, которая изначально вписана в структуру действительности. Для примера он выстраивает корреляцию между анализом товара у К. Маркса, анализом сновидения у З. Фрейда и анализом идеологии. Во всех трех случаях анализируется не «содержание», скрытое за «формой», а сама форма [3, с. 23–26]. Анализ предполагает не проникновение к «скрытой сущности», а ответ на вопрос, почему сущность облечена в конкретно эту форму.

Фундаментальный уровень идеологии С. Жижек называет «идеологическим фантазмом» [3, с. 38–40]. Это уровень, на котором идеология структурирует действительность. Главным вопросом теории идеологии является вопрос расположения идеологической иллюзии. Традиционным ответом на этот вопрос является сознание: иллюзорность заключена в сознании, в незнании действительного положения вещей. При таком подходе идеологический фантазм будет заключаться в расхождении между тем, что люди делают, и тем, что, как им кажется, они делают. Идеологическая ситуация возникает, когда люди не осознают, что они делают («на самом деле», когда складывается ложное представление о социальной действительности. С. Жижек полагает, что иллюзия имеет своим местом не знание, а действие, саму действительность. Заблуждение касается не действительности, а иллюзорного структурирования самой социальной активности. Субъекты осознают действительное положение дел, но действуют так, как если бы не отдавали себе в этом отчета. Идеологический фантазм заключается в действительном, фактическом отношении к реальности. Насилие языка делает идеологию элементом нормы.

Таким образом, если относить идеологию к сфере знания, то современное общество будет «постидеологическим». Однако в современности сохраняется фундаментальный уровень идеологии – уровень фантазма, структурирующий социальную действительность. Идеологическая иллюзия содержится в реальности самого действия. Если спроецировать данные положения на религиозную идеологию, то современное общество будет секуляризованным. Однако неявные формы религиозной

идеологии продолжают действовать: «<...> природа любой идеологии такова, что та может действовать только подспудно. Никогда – напрямую» [2]. С. Жижек приводит в пример высказывание Джудит Батлер о том, что подлинное подавление возможно только при соблюдении видимости всеобщей свободы.

Именно это имеется в виду при характеристике современной веры в качестве «объективной» [3, с. 41–54]: она трактуется как нечто внешнее, требующее практической, конкретной активности человека. Субъект идеологии не верит – за него верят вещи, сама символическая система социальной реальности. Она выполняет ту же функцию замещения, которую выполняют плакальщицы на похоронах или смех за кадром. Плакальщицы горюют вместо субъекта, закадровый смех веселится вместо субъекта, идеологизированная социосимволическая система верит вместо субъекта: «<...> она (идеология – авт.) и есть месседж. В смысле – базовое утверждение. Когда мы ведем политическую, религиозную и т.п. активность, идеология всегда находится в бэкграунде. Это набор верований, в существовании которых мы даже можем не отдавать себе отчета. Потому что, как вы, возможно, знаете, я просто одержим тем, как идеи могут действовать в социальном поле, даже если в них никто на самом деле не верит. Я думаю, даже религия сегодня работает именно таким образом» [2]. Следовательно, вера не есть некое сокровенное психическое образование. Вера материализована в нашей реальной деятельности. С. Жижек иллюстрирует это на примере опыта авторитета и действенности закона. Формальная значимость «опыта авторитета», называемого также «символической виртуальностью» связана с тем, что авторитет, чтобы оставаться таковым, должен действовать на уровне формы. Чтобы переживаться как реальный, должен быть виртуальным (в смысле применимости угрозы). Если авторитет действует слишком прямолинейно, неприкрыто, – это признак бессилия. В этом заключается парадокс: чтобы быть актуальным, авторитету нужно оставаться виртуальным. Актуализация авторитета, т.е. реализация угрозы – саморазрушительны для него. На схожем «виртуальном» механизме, по утверждению С. Жижека, строится символическая действенность верований: они виртуальны, поскольку построены на предположении, что верит «кто-то». Вера становится действенной через убежденность, что другие верят, именно такая вера структурирует действительность. Если вера слишком непосредственна, это разрушительно для идеологии.

На аналогичном механизме строится символическая действенность закона. Абсолютный характер закона основан на том, что он имеет форму закона. Ему подчиняются не в силу того, что он справедлив, а просто потому, что это закон. Единственным основанием его власти является «формальный» акт провозглашения, причем для нормального функционирования закона должна быть вытеснена его зависимость от акта провозглашения, его условный характер. Исследование содержательных и исторических основ формы власти губительно для идеологии как политической, так и религиозной. Например, в религии рациональные причины веры становятся очевидными только для того, кто уже верит. Для нормального функционирования идеологии ее зависимость от акта провозглашения должна быть либо скрыта, либо сакрализована. В политических идеологиях чаще всего имеет место первое, в религиозных – второе.

Лингвистической составляющей понятия неявного насилия является то, что рамки «нормального» очерчиваются языком при формировании символического порядка социума. Определенные установки и нормы жизни больше не воспринимаются в качестве идеологических, они кажутся нейтральными и обыденными: их принудительность проявляется как самоуправляемость среды. Напротив, идеологией мы называем то, что выделяется на естественном фоне: крайнее религиозное рвение, подчеркнутую верность определенной политической ориентации. «Что такое ограбление банка по сравнению с основанием банка? Что такое террористический акт в сравнении с государственной властью, которая ведет войну с терроризмом? Что такое насилие, которое совершается с нарушением закона, в сравнении с насилием, которое поддерживается и освящается именем закона?» [1, с. 98] – задается риторическим вопросом С. Жижек. История человечества в целом может быть рассмотрена как история превращения несправедливости в норму. Через язык идеология наделяется превентивной действительностью, предопределяя возможные интерпретации социального. Последнее в этом случае приобретает виртуальный характер, а любой его элемент становится пустым знаком, все возможные значения которого предопределены языковым полем идеологии. Идеологическая мистификация имманентна самой социальной реальности, она не требует никаких дополнительных символических конструкций, но существенным для нее является незнание.

Лингвистическое насилие предполагает специфическое понимание свободы в постидеологическом обществе: она трактуется как отсутствия языка для выражения несвободы. Декларируемое право выбора на самом деле является правом выбирать между принудительным согласием с существующими правилами и бессмысленным протестом. Все понятия, которые сегодня используются в западном обществе для выражения либеральных идей, – «права человека», «основные свободы», «демократия», «война с терроризмом», мистифицируют восприятие ситуации, не позволяют думать о ней. С этим С. Жижек связывает феномен «протеста нулевого уровня» в обществах развитого капитализма (к которым причисляются движение «Оккупей Уолл-стрит», волнения во Франции (2005)). Значимой спецификой данных протестов стало отсутствие каких-либо внятных требований со стороны

протестующих. В этом смысле данные события можно интерпретировать как своего рода поиск нового языка, выходящего за рамки традиционной демократической системы координат. В данном случае само отсутствие артикулированных требований обнажает проблему неявного насилия – декларируемое право выбора на самом деле является правом выбирать между принудительным согласием с существующими правилами и бессмысленным протестом, разрушением и вымещением злости. Неартикулируемость протеста является показателем отсутствия включенности в существующую систему. Поэтому бессмысленность и невозможность «перевести» данные события в понятные речь или мысль – наиболее трудны для анализа. Возникает «герменевтический соблазн» – желание найти более глубокий смысл или послание в происходящих событиях. И самым трудным оказывается признание их бессмысленности: сообщением в данном случае был сам способ его передачи [1, с. 62–68].

Еще Г. Маркузе характеризовал современное общество как «общество без оппозиции», характерной чертой которого является «паралич критицизма», отсутствие возможного языка критики. Все суждения сводятся к одному языку – языку этого мира, который воспринимается как нейтральный [4]. Схожим образом Ю. Хабермас в характеристике терроризма подчеркивает отсутствие программной цели, бессмысленность бунта против врага, которого нельзя победить [5]. Отсутствие языка для выражения протеста является как раз свидетельством идеологичности, а не постидеологичности западного посткапиталистического общества. Невозможность «перевести» данные события в понятные речь или мысль говорят о вытеснении протеста за пределы заданного дискурсивного пространства социума: «Язык уважения – язык либеральной толерантности, он имеет смысл только как уважение к тем, с кем я не согласен. Когда мусульмане требуют уважения, они принимают структуру либерального «толерантного» дискурса» [1, с. 27]. Схожим образом Ж.-Ф. Лиотар описывает лингвистическое насилие как ситуацию, при которой у субъекта нет дискурсивных средств выражения, он становится «жертвой», обреченной на молчание. Задача философии в этой связи – борьба против гегемонии одного дискурса, а также помощь «жертве» в поиске собственного языка. С точки зрения понятия принудительного выбора С. Жижек критикует идеологию мультикультурализма, полагая, что существующие идеологические альтернативы являются мнимыми, представляют собой части системы. Движения протеста против системы чаще всего представляют собой псевдоактивность, в реальности направленную на сохранение существующей системы, например, феминистское, антирасистское движения, «Гринпис», «Врачи без границ». Идеология данных движений звучит достаточно критично по отношению к существующему символическому порядку. Однако в реальности подобного рода активность нацелена на предупреждение реальных изменений: требуется менять все таким образом, чтобы в глобальном масштабе форма оставалась неизменной [1, 10].

В качестве основного канала трансляции неявной идеологии часто указывается массовая культура. Язык массовой культуры обладает тотальностью воздействия. Особой популярностью у исследователей общества позднего капитализма пользуется анализ кинофильмов на предмет содержания в них идеологических посланий. Этот прием активно используют С. Жижек, Ф. Джеймисон, Ж. Бодрийяр. Так, фильм С. Файнс «Киногид извращенца: идеология» со С. Жижеком в главной роли эксперта начинается с обсуждения картины Дж. Карпентера «Они живут». В этом фильме герой находит очки, сквозь которые вещи выглядят такими, какими они являются «в действительности». Через них можно увидеть диктатуру в демократии или надпись «это твой Бог» на деньгах. С. Жижек в связи с этим поясняет: «По фильму, идеологический приказ скрыт таким образом, что напрямую его можно увидеть только сквозь очки. Такая же взаимосвязь между видимым и невидимым преобладает и в современном обществе («потребления»), в котором нас, субъектов, больше не воспринимают в связи с какой-либо большой идеологической идентичностью, и тем самым подразумеваемая идеологическая идентичность остается невидимой. Вот так и действует этот институт: его истинная суть, предписание руководства, остается “за кулисами”» [6]. С. Жижек находит идеологические послы даже в фильмах ужасов. Например, вампиры олицетворяют элиту (у них аристократические манеры, живут в комфортных условиях среди людей), а зомби – рабочий класс (неопрятные, скитаются, нападают извне) [7]. Когда в США проходили учения на случай зомби-апокалипсиса (2012), в блогосфере, специализирующейся на конспирологии, даже ходили слухи, что на самом деле военные тренируются подавлять социальные протесты. В трилогии про Бэтмена (2005–2012) С. Жижек трактует восстание Бэйна как метафору антиглобалистских протестов, в первую очередь, «Оккупай Уолл-Стрит», тогда как Брюс Уэйн олицетворяет идеологию «либерального коммунизма» и сравним с такими неолиберальными фигурами, как Билл Гейтс, Джорж Сорос, Стив Джобс [7]. Это фигуры являются, по мнению С. Жижека, олицетворением неявного, системного насилия, постмодернистской версией смитовской невидимой руки рынка. Их характерный признак – гуманитарная маска благотворительности, скрывающая безжалостную погоню за прибылью и экономическую эксплуатацию [1, с. 17–22].

Излюбленным объектом интерпретации философов на предмет поиска идеологических послы является «Матрица» братьев/сестер Вачковски. С. Жижек видит в фильме радикализацию не новой идеи

тотально манипулируемой и контролируемой среды. Генерация симулятивного опыта реальности делает понятие реального размытым. Идея отсутствия объективного мира, трактовка реальности как искусственного конструкта, правила которого могут быть нарушены или переписаны, выражена в предельно радикальной форме Морфеусом: «Это чувство, которое ты испытываешь всю жизнь. Чувство, что в мире что-то не так. Ты не знаешь, что именно, но это чувство сидит у тебя в голове, как заноза, и сводит с ума <...>. Матрица всюду вокруг нас, в этой комнате <...>. Это мир, который вертится перед твоими глазами, чтобы ослепить тебя и не дать увидеть истину. <...> Это тюрьма для твоего разума» [8]. Таким образом, «Матрица» включает в себе два фундаментальных признака неявной идеологии. Во-первых, редукцию реального к виртуальному, невозможность отыскать объективность за идеологической иллюзией. Во-вторых, редукцию субъекта к пассивности – при неявном функционировании идеологии делается акцент на пассивное включение субъекта в манипулируемую среду, не предполагается процедур убеждения или пропаганды. Третий признак – тотальность распространения неявной идеологии видит в «Матрице» Ж. Бодрийяр. По его выражению, «"Матрица" – это фильм о Матрице, который могла бы снять сама матрица» [9]. Ее характерным признаком является программирование ее собственного мнимого отрицания, следствием чего является уничтожение альтернативы, потенциального антагониста среды, внеположенной точки зрения.

Неявный характер воздействия идеологии в постидеологическом обществе предполагает изменение ее важнейшего структурного элемента – дихотомии «свой – чужие». Чаще всего она реализуется через конституирование образа врага: «Не может быть настоящих друзей без настоящих врагов. Если мы не ненавидим того, кем мы не являемся, мы не можем любить того, кем мы являемся» [11, с. 4]. Чем универсальнее идеологический дискурс, тем brutальнее исключения определенной формы «другого». С. Жижек в одной из своих работ приводит следующее высказывание Хомейни: «Иранская революция была самой человеческой во всей истории: ни один человек не погиб от рук революционеров», и далее, отвечая на вопрос журналиста о жертвах «те, кого мы убили, были не людьми, а преступными собаками» [1, с. 47]. Основываясь на этом высказывании, С. Жижек дает показательное определение врага: «Враг – это тот, чью историю ты слушать не обязан» [там же]. Идеологическое восприятие социального пространства требует абстрагирования от того факта, что субъект, находящийся на стороне «чужого», – Другой, надежный теми же чертами человечности, что и «свой».

Чаще всего данный принцип действия реализуется через осмысление социальных процессов в терминах борьбы. Его лингвистическим следствием часто является сужение понятия «народ» – из него исключаются все «несогласные»: «<...> любое возражение оказывалось заклеянным как антинародное выступление», а с другой стороны – постоянное обвинение оппонентов, что те-де агрессивны и «травят» народную партию» [12, с. 120], «<...> нытье – это одна из техник, при помощи которых деспотизм умело сплачивает свои ряды, возбуждая шовинистические чувства. Надо попросту завопить, что кто-то "нас" ненавидит и хочет подрезать "нам" крылья» [12, с. 107]. Парадоксальность места понятия «народ» в тоталитарном идеологическом дискурсе описывает С. Жижек: выражение «народ поддерживает партию» не может быть опровергнуто, поскольку базируется на круговом определении понятия «народ». Единственным признаком, его определяющим, является поддержка партии. Несогласные автоматически «исключаются» из числа народа, становятся «врагами» и в качестве таковых лишаются права голоса. Поэтому «народ» действительно всегда «поддерживает партию», поскольку тот, кто не поддерживает, перестает быть народом. В обыденной речи аналогичный аспект проявляется в риторике «У меня у самого есть друзья, которые...» («Some of my best friends») – в уста гипотетических друзей могут вкладываться любые идеи. По определению «безголосые» в силу анонимности «друзья» выступают в качестве «виртуальной» группы поддержки и обеспечивают легитимность говорящего. Пример с трактовкой понятия «народ» ярко демонстрирует, что монологичность явной идеологии и лишение голоса являются способом обеспечения видимого единогласия в ее языке.

С. Жижек иллюстрирует принцип действия дихотомии «свой – чужие» при дискурсивном анализе антисемитизма в рамках идеологии национал-социализма. Для явной идеологии характерно представление социального антагонизма в качестве борьбы между здоровыми социальными силами и силами разрушения. Общество рассеяно антагонистическими расколами, которые не могут быть объединены символическим порядком. Социальный фантазм (ядро идеологии) создает такое видение общества, в котором оно «существует», не расколото. В национал-социалистической идеологии источник разложения общества сосредоточен в конкретной точке – в евреях, наделяемых признаками внешнего элемента, чужеродного тела, искаженной репрезентации социальных противоречий, привносящих разделение в здоровый социальный строй. Понятие социального фантазма оказывается дополнительным для понятия социального антагонизма. Фантазм – это способ маскировки пропасти социального антагонизма. Место социального фантазма в идеологии – ретроактивное: это средство идеологического дискурса, которое позволяет заранее принимать в расчет собственную несостоятельность [3].

Таким образом, проблема раскола идеологического поля решается у С. Жижека парадоксальным образом: антагонизирующий дискурс оказывается центрированным вокруг пустоты, невозможности, но при этом

пустота воспринимается как наиболее существенная часть идеологической системы. Фантазм восполняет пустоту, одновременно отрицает и воплощает структурный парадокс общества. Поэтому фантазм в рамках идеологии не может толковаться, из него можно только «выйти» через понимание того, что за ним ничего нет. Возвращаясь к примеру национал-социализма, образ еврея оказывается олицетворением фундаментального тупика той самой идеологии, которая ее порождает. Получается парадокс: вся национал-социалистическая идеология структурируется как борьба против элемента, который олицетворяет невозможность самого национал-социализма. С. Жижек полагает, что критика идеологии должна поменять местами причину и следствие: основной в критике идеологии оказывается процедура, которая определяет в той или иной идеологической доктрине элемент, репрезентирующий в ней ее собственную невозможность. Применительно к национал-социалистической идеологии социум проецирует эту внутреннюю негативность на фигуру еврея. Поэтому «еврей» для идеологического дискурса национал-социализма – «социальный симптом», точка, в которой имманентные антагонизмы общества прорываются на поверхность социума. В этой ситуации применима психоаналитическая процедура – идентификация с симптомом. Подобно тому, как в психоанализе аномалии дают доступ к истинному положению вещей (в оговорках или снах), так и явления, которые представляются отклонением от нормы, тем, что должно быть устранено, на самом деле являются продуктом системы, точкой, через которую прорывается истина – внутренние противоречия [3].

В неявных идеологиях сокрытие собственной идеологической сущности предполагает нивелирование дихотомии «свои – чужие». Именно на этом построено навязывание толерантности в качестве универсального морального принципа, а также вся политика мультикультурализма. Идеологическое разделение заменяется унификацией – предполагается, что ни одна дискурсивная точка социума не обладает приоритетом перед другой. На лингвистическом уровне это проявляется в появлении огромного количества эфемеризмов, призванных сгладить противоречия в политических симпатиях, культурных различиях, половозрастных особенностях, сексуальной ориентации. Даже вместо понятия «педофил» в рамках так называемого «сексуально-освобождающего» дискурса предполагается использовать более мягкий термин «minor-attracted persons» – «личности, которых привлекают дети». В английском варианте здесь акцентирован пассив, т.е. буквально это можно перевести как «детьми привлеченные личности». Изначальное понятие отбрасывается как «несправедливо заклеенное и криминализованное». С. Жижек полагает, что требования терпимости неизбежно влечет за собой дистанцирование от Другого, нетерпимости к иному. Кроме того, позиция «толерантности» сама, в свою очередь, навязывается в качестве общеобязательной и в этом смысле является тоталитарной. С. Жижек указывает на ироничное (предполагающее дистанцию) отношение к Другому как на характерную черту либерального мультикультурализма (влекущую за собой, в частности, активную борьбу с разного рода «домогательствами»): «Наша повседневная жизнь в эпоху позднего капитализма связана с беспрецедентным отрицанием жизненного опыта других. Мы старательно обходим бездомного, сидящего перед входом, наслаждаемся обедом, когда голодают дети, спокойно спим ночью, когда страданий не становится меньше, – атомизированная повседневность требует от нас систематического отказа от близости с другими, от нашей связи с ними (на языке господствующей культуры наша экономика состоит из индивидов, уважающих индивидуальность друг друга)» [1, с. 77]. Это резко контрастирует с носителями «явных» идеологий, вера которых в священное и универсальное Дело сопряжена с демонстративным безразличием к иным традициям как не имеющим значения.

Процесс глобализации создает единое коммуникативное и идеологическое пространство, но изнанкой этого процесса является «травматическая близость» Другого. Из этого следует парадоксальный вывод. Европейская цивилизация более терпима не благодаря неким особым ценностям – демократии, толерантности и пр., а в силу отчуждения. Огромное количество проблем – от религиозных до сексуальных – воспринимаются как различные аспекты нетерпимости. Причиной этого С. Жижек называет «культурализацию политики» – политический (идеологический) дискурс становится культурологическим. Различия, значения которых раньше актуализировались и считались непреодолимыми на уровне политики (идеологии), нейтрализуются через трактовку их как различий культурных, рассматриваемых в ракурсе принадлежности к «разным образам жизни» и требующих толерантного отношения. С. Хантингтон в этой связи отмечал, что в наше время «железный занавес идеологии сменился бархатным занавесом культуры».

Заключение. Таким образом, насилие языка является неотъемлемым элементом концепции постидеологического общества С. Жижека. Это проявляется в следующих положениях:

1. Лингвистическая составляющая присуща понятию системного насилия, предполагающего языковое очерчивание рамок «нормального» при формировании символического порядка социума.
2. Через язык идеология наделяется превентивной действенностью, предопределяя возможные интерпретации социального, которое приобретает виртуальный характер, статус «пустого знака», все возможные значения которого предопределены языковым полем идеологии.
3. Лингвистическое насилие предполагает трактовку свободы как отсутствия языка для выражения несвободы, а декларируемое право выбора оказывается правом выбирать между

принудительным согласием с существующими правилами и бессмысленным протестом. С точки зрения понятия принудительного выбора С. Жижек критикует идеологию мультикультурализма, полагая, что существующие идеологические альтернативы являются мнимыми, представляют собой части системы.

4. Универсальным каналом трансляции неявной идеологии является язык массовой культуры.

5. Неявный характер воздействия идеологии в постидеологическом обществе предполагает изменение ее важнейшего структурного элемента – дихотомии «свои – чужие», либеральной альтернативой которого становится принцип толерантности, т.е. ни одна дискурсивная точка социума не обладает приоритетом перед другой. С. Жижек полагает, что требование толерантности неизбежно влечет за собой нетерпимость к Другому (проявляющуюся в обществах позднего капитализма как борьба с «домогательствами»). Различия, значения которых раньше актуализировались на уровне политики (идеологии), нейтрализуются через трактовку их как различий культурных, требующих толерантного отношения. При этом сам принцип толерантности действует в качестве тоталитарного.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жижек, С. О насилии / С. Жижек. – М.: Европа, 2010. – 178 с.
2. Корецкий, В. Славой Жижек: «Идеология — пустое слово, именно поэтому она и работает» [Электронный ресурс] / В. Корецкий, Д. Рузаев // Colta.ru. – Режим доступа: <http://archives.colta.ru/docs/20836>. – Дата доступа: 08.12.2015.
3. Жижек, С. Возвышенный объект идеологии / С. Жижек. – М.: Художеств. журнал, 1999. – 236 с.
4. Маркузе, Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек / Г. Маркузе. – М.: АСТ, 2003. – 528 с.
5. Хабермас, Ю. Дополнительные основы демократического правового государства? / Ю. Хабермас, Й. Ратцингер (Бenedikt XVI) // Диалектика секуляризации. О разуме и религии. – М.: Библиейско-богосл. ин-т св. апостола Андрея, 2006. – 112 с.
6. Файнс, С. Киногид извращенца: идеология [Электронный ресурс] / С. Файнс – Режим доступа: <http://www.thepervertsguide.com>. – Дата доступа: 08.05.2016.
7. Жижек, С. Накануне Господина. Сотрясаю рамки / С. Жижек. – М.: Европа, 2014. – 280 с.
8. Жижек, С. «Матрица», или Две стороны извращения [Электронный ресурс] / С. Жижек // Искусство кино. – 2000. – № 6. – Режим доступа: <http://kinoart.ru/archive/2000/06/n6-article16>. – Дата доступа: 01.09.2013.
9. Бодрийяр, Ж. «Матрица» – Почему этот фильм восхищает философов [Электронный ресурс] / Ж. Бодрийяр // Jung Lang. – Режим доступа: <http://jungland.net/node/953>. – Дата доступа: 25.09.2012.
10. Жижек, С. Размышления в красном цвете / С. Жижек. – М.: Европа, 2011. – 473 с.
11. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон; пер. с англ. Т. Велимеева. – М.: АСТ; АСТ МОСКВА, 2006. – 571 с.
12. Клемперер, В. ЛТН. Язык Третьего рейха. Записная книжка фильмолога / В. Клемперер; пер. с нем., послесл. А.Б. Григорьев. – М.: Прогресс-традиция, 1998. – 381 с.

Поступила 09.05.2016

LANGUAGE VIOLENCE AS AN IDEOLOGY ELEMENT IN THE S. ZIZEK'S THEORY

O. MASHCHYTSKA

The article raises the question of the linguistic aspects of ideological determination of culture in society, proclaimed it's "post ideological" character on the example of the philosophical theory of S. Zizek. Language violence is regarded as an integral part of the ideology of post-ideological society being realized through the concept of systemic violence, involving the formation of the linguistic concept of "normal." Through the language ideology endowed with preventive efficacy, prejudice the possible interpretations of social, ideological and existing alternatives become imaginary, representing part of the system. This involves a change in essential structural element of the ideology – the dichotomy of "us – strangers", which becomes a liberal alternative to the principle of tolerance, which in turn, becomes a modern implicit totalitarianism, being imposed as compulsory.

Key words: language, ideology, implicit ideology, post-ideological society, linguistic violence, systemic violence.